Орон Верный

В некотором царстве, в некотором государстве жил-был царь. У него было три сына: Егор Храбрый, Федор Важный да Иван-царевич.

Егор Храбрый вырос до возрасту, задумал невесту искать. Поехал белый свет смотреть. Ехал-ехал, до лесу доехал. В том лесу ветха избушка, берестой покрыта, дубом подперта. Постучал царевич в избушку. Впустила его в избушку старая старушка. А горница в избушке бархатом убрана, золотом шита. Сидят на лавке две девицы, две голубицы, одна другой лучше. Стал Егор Храбрый старшую девицу сватать. А бабка Яга и говорит: «Та девица не худого роду, чтоб на пусто брюхо свататься!»

Навалила на столы пряников, налила бражки медовой, сусла пивного. Он наелся, напился, под стол свалился. «Ох-ти мне, поганый пьяница, да по жениху и невеста!»

Подняла Яга-Баба Егора Храброго на одну ладонь, девицу-голубицу за белы перышки да в погреб и кинула.

Ну, долго ли — и Федор Важный жениться захотел. Поехал по свету жену выбирать. Ехал-ехал, в сад заехал. В том саду стотит золотой дворец, серебром крыша крыта. «По моему званию и домок!»

Зашел Федор Важный в золотой дворец. Во дворце худа комната рогожей крыта. На грязной лавке сидит девица — белая голубица.

Федор Важный шапки не скинул, бабке не поклонился. Бабка в углу стоит, говорит: «В моем доме по пирогу честь!»

Навалила на стол медовых пряников, понаставила браги и пива. Федор наелся-напился, под стол свалился. «Неучтивому пьянице и невеста така!»

Взяла Баба Яга Федора на одну ладонь, девицу-голубицу за белы перышки, в погреб кинула.

Вот вырос Иван-царевич до возрасту. Хочет он братьев найти, невесту высмотреть. Отец-царь ему воли не дает.

Тут Иван-царевич запечалился. Ходит по городу, слезы льет. Увидала его бабушка-задворенка: «Что, Иван-царевич, слезы льешь?» — «Были у меня братья-царевичи, я хотел бы их отыскать, а отец воли не дает». — «Вот, Иван-царевич, когда ты родился, тогда и конь родился. Есть у царя худой погреб. За двенадцатью дверями, за двенадцатью замками там конь стоит. Под передним углом богатырские доспехи валяются. Ты наутро скажи отцу, будто сон видал, а не сказывай, что я тебе дело открыла».

Ну, Иван-царевич спать повалился, утром встал, говорит: «Государь мой, батюшка, я сегодня во сне чудеса видал. Будто есть у тебя худой погреб. В том погребу двенадцать дверей, за двенадцатью замками там конь стоит, вровень со мной родился. Под передним углом богатырские доспехи валяются. Это правда или сонный врак?» — «Это, сын, тебе не сон снился, а кто-то тебе дело рассказал. Ну, так делать нечего».

Пошел Иван-царевич к худому погребу. Взял замки богатырской рукой: сверху рвет, снизу конь двери ломает. Проломали двери — конь выскочил. Положил Иван-царевич на коня богатырскую ладонь, конь не шелохнется. Поднял Иван-царевич худой погреб за передний угол, вынул меч-кладенец, копье долгомерно, доспехи богатырские. И поехал по свету братьев искать.

Ехал-ехал, до избы доехал. В темной горнице Баба Яга сидит. Иван-царевич коня привязал, копье долгомерно наземь кинул. [Все равно никому не поднять.] Зашел в горницу, шапку снял, поклонился: «Где, — говорит, — Яга-Баба, мои братья?» — «В моем дому попьют-поедят, потом вести спрашивают». — «Я в твоем дому не гость, а пришел ответа спрашивать».

А Баба Яга взяла — стол поставила, пряников медовых наносила, браги налила. Иван-царевич взял стол правой рукой, в окно выбросил, бели выбил.

Яга-Баба видит, что его хитростью не взять, схватила из кошеля две змеи, побежала на Ивана-царевича. Змеи шипят, огнем палят. Иван-царевич взял меч-кладенец, один раз махнул — змеям головы снял.

Схватил Бабу Ягу, давай правду пытать. Тут она и покаялась. Он ей голову снес. Одним пальцем двери открыл: «Живы ли, братья мои, да девицы-голубицы?» — «Живы, Иван-царевич. На ладан дышим!»

Вышли тут царевичи да девицы-голубицы. Худые да бледные, у голубиц перышки повылезли. Пали девицы Ивану-царевичу в ноги: «Мы тебе, Иван-царевич, не однако отслужим!»

Ну, Иван-царевич говорит: «Который которую сватал, за себя бери, к отцу вези. А я поеду себе суженую добывать».

И поехал. Ехал-ехал, до поля доехал. В том поле стоит виселица. Ведут богатыря на смерть вешать. Тут Иван-царевич подъехал: «За что, товарищи, богатыря вешать ладите?» — «А за то вешать ладим, что богатырь царску дочь обнасилил!» — «Этим море не погано; если хорошая девушка, так и я взамуж возьму. А богатыря отпустить должны, если с царской кровью встретился».

Ну, они подумали и отпустили богатыря. Богатырь пал Ивану-царевичу в ноги: «Буду тебе Орон Верный по самую смерть!»

Поехал Иван-царевич к царю, посмотрел на царскую дочь: «Хороша девушка, да не краше девиц-голубиц. Поеду, по белу свету поезжу, если краше не найду, то взамуж возьму».

И поехал он по белу свету. Ехал-ехал, пять лет проехал, десять царств видел, а нигде краше девиц-голубиц да царской дочери не видывал. «Ну, — думает, — к тому царю вертаться, тую девушку брать».

Заехал он в чисто поле, стоит шатер шелковый, ковром крытый. Богатырский конь кругом ходит — траву кушает. Иван-царевич слез с коня, его не привязывает: «Если конь с конем дружны будут, то и богатырь с богатырем дружны будут».

Конь коня о бок трет, одну травинку хрупает. Иван-царевич пошел в шатер да и лег около богатыря спать. Иван-царевич храпит — словно орел летит, богатырь храпит, как гром гремит.

Середь ночи пробудился богатырь — видит: чужой человек лежит. Хотел его сколоть, да и думает: «Что я сколю сонного, словно мертвого, пусть к свету проснется, будет мне с кем силой помериться».

Вот Иван-царевич к утру-свету проснулся — видит: около богатырь лежит, тот самый — Орон Верный. «Здравствуй, Орон Верный!» — «Здравствуй, Иван-царевич, а я чуть тебя сонного не сколол!» — «Куда путь держишь, Орон Верный?» — «Я тут пять лет сижу, стерегу красавицу Марфу Прекрасную Золотую Грудь!» — «А что, Марфа Прекрасная краше девиц-голубиц?» — «Марфа Прекрасная что красно солнышко, а девицы-голубицы что черная головня!» Загорелось сердце у Ивана-царевича на Марфу Прекрасную: «Нельзя ли, брат Орон, ее высмотреть?» — «Вот в сегодняшний

день она выйдет в сад купаться».

Марфа Прекрасная Золотая Грудь, она вышла в сад погулять. Иван-царевич стал на коня ногами да через стену смотрит. Марфа Прекрасная стала разоболокаться, мамки да няньки глаза закрыли, ослепнуть боятся. Иван-царевич глаза рукой прикрыл. Стала Марфа Прекрасная в саду как красное солнышко, золотая грудь как звездочка. Закипело сердце у Ивана-царевича, дал коню шпоры, перескочил через стену, ухватил Марфу Прекрасную и прочь поскакал. Тут забила тревога, закричали мамки да няньки, зазвенели ружья да сабли. Полетела за Иваном-царевичем погоня. Налетел Кощей Бессмертный, ему голову срубил, коня убил и Марфу Прекрасную во дворец унес.

Ходили в поле быки да коровы. Орон Верный быка убил, с него кожу снял, сам в кожу залез. Прилетели вороны с вороненком, стали кожу клевать. Орон Верный ухватил вороненка. Ворона кричит: «Мил человек, отдай мне вороненочка!» — «Принеси мне живой и мертвой воды, так отдам, а нет, так голову скручу».

Налетело тут воронья несметное множество. Покричали, поурчали, принесли мертвой и живой воды. Орон взял вороненка, раздернул, спрыснул мертвой водой — стал вороненок цел, спрыснул живой водой — полетел вороненок в поднебесье. «Верно, — говорит, — тут нет обмана». Спрыснул Иван-царевича мертвой водой — голова приросла. Спрыснул живой водой — встал Иван-царевич, отряхнулся: «Фу-фу-фу, русский дух долго спал, да скоро на ножки встал». — «Кабы не я, так и век бы проспал!» — «А кабы не я — ты давно на виселице висел!»

Ну, надо Иван-царевичу коня. Вспрыснул его мертвой и живой водой, конь встал, отряхнулся.

Тут они окрестились родными братьями и поехали искать Марфу Прекрасную Золотую Грудь.

Вот доехали они до болота. В болоте стоит каменный дом. Они и пошли по болоту ползунком да катком, а дом стоит — не вязнется. У окошка Марфа Прекрасная сидит, Кощея с Руси ждет: «Налетит Кощей Бессмертный, он вас съест!»

Она взяла Орона мушкой обернула, а Ивана-царевича в сундук запрятала. «Ты спроси его, Марфа Прекрасная, в чем его мерть находится».

Вдруг гром гремит, град идет, Кощей Бессмертный летит. Прилетел, на лавку сел: «Фу-фу-фу, что-то в горнице русским духом пахнет». — «Летела с Руси сытая птица, уронила костку в трубу, из печи пахнет».

Марфа Прекрасная его напоила, накормила, спать повалила, стала в голове вшей искать. И стала спрашивать: «Что, Кощей, где твоя смерть находится?» — «А вон в голике под порогом». Она вскочила: «Надо голик в ящик спрятать!» — «Глупая баба, кто это смерть в голике бросит — моя смерть на печи в коробке лежит!» Она вскочила: «Надо коробок в сундук спрятать!» — Глупа баба, зря волосья дергает! Кто смерть в коробке бросит? Моя смерть далеко лежит. Есть в море остров Буян, в острове погреб, в погребе ящик, в ящике заяц, в зайце яйцо — в том яйце моя смерть лежит».

А Иван-царевич все слышит. Ну, как он про смерть сказал, Марфа Прекрасная и говорит: «Ты бы, миленький, на Русь слетал да принес бы мне русскую кухарку. Немóгу я от вашей пищи!»

Он собрался и полетел. А Иван-царевич и Орон Верный отправились Кощея смерть искать.

Приехали к морю, дубья наломали, плоты связали, по волнам покатили. Стала поперек волны щука-рыба. Иван-царевич хотел ее стрелить, Орон говорит: «Не стреляй, Иван-царевич, щука-рыба нам сгодится».

Налетели на остров, пошли в гору. На дубе кречет сидит, вороненка ест. Хотел Иван-царевич его стрелить, а Орон Верный говорит: «Не стреляй, кречет нам сгодится».

Добрались до погреба. Стоят на погребе четыре дуба. Орон Верный рвет дуб с ветками, Иван-царевич — с комелем. Вытащили ящик. Выпал из ящика заяц, побежал по горе — и ружье не возьмет. Налетел тут кречет, пал на зайца. Выпало из зайца яйцо. Взял Иван-царевич яйцо, в платок завернул. Сели на плот — поехали. Набежала волна, Иван-царевич покачнулся, яйцо в воду сронил. Стали на берегу печалиться. Выскочила щука-рыба, яйцо подала.

Ну, поехали. До болота доехали, а Кощей Бессмертный у смерти лежит. Взял Иван-царевич яйцо, разломил — Кощей и помер. Забрали они золото и Марфу Прекрасную Золотую Грудь. Марфа Прекрасная говорит: «Надо этот дом огнем спалить».

Запалили они дом, и полезло оттуда гнусу разного. Они этот гнус в огонь заметали. И поехали в свое царство.

А туда Яга-Баба пришла, все царство разорила, отца с матерью в темницу кинула, глаза выкопала. А сама как мать превратилась. И заповедь дала: кто из людей Ивану-царевичу расскажет, тот камнем станет.

Вот подъезжают они к своему царству. Тут ночь пала, они шатер раскинули и спать полегли. Иван-царевич с Марфой Прекрасной крепко спят, а Орон Верный глаз не смыкает. Прилетели на шатер девицы-голубицы, Федора да Егора женки. Ламками перебирают, слезы утирают: «Ах, Иван-царевич, едешь ты не к матери, а к Яге-Бабе; твоя мать, отец, родные братья в темнице сидят — глаза выкопаны. Яга-Баба тебе подарочек направила — перву чашу с ядом изготовила».

Наутро встает Орон невеселый. Иван-царевич говорит: «Что ты невеселый ходишь? Или тебе невесты жалко?..» — «Не надо мне твоей невесты, а если будут тебе подарки давать, так ты мне отсули». — «Пускай тебе», — говорит.

Опять ночь ночевали. Налетели девицы-голубицы, ножками перебирают, слезы утирают: «Эх, Иван-царевич, направила тебе Яга-Баба второй подарочек, вороной конь. То не конь, а змеи, он тебя разорвет!»

Орон Верный наутро встает невеселый: «Что, Иван-царевич, отсули мне второй подарочек. Я тебя от смерти спас». — «Пусть тебе», — говорит.

На третью ночь прилетели девицы-голубицы, еле крылышки держат: «Ах, Иван-царевич, назад вертайся, направила тебе Яга-Баба подарочек: золотую карету, жемчугом убрану; как сядешь, так тебя и сплюснет. А сказать никто не смеет; кто скажет, тот камнем встанет».

Утром Орон Верный говорит: «Иван-царевич, отсули мне еще подарочек, я тебе невесту добыл». — «Ну, пусть тебе», — говорит.

Приехали они в город, Баба Яга вместо матери целуется, обнимается. Налила Ивану-царевичу чару сладким вином: «Выпей, сыночек, на радости». Иван-царевич только хлебнуть хотел, а Орон говорит: «Ты ведь мне отсулил!» — «И правда, царско слово не воротится!» Орон вино под лавку, а чару в карман, вино под лавкой половицу выело. А Баба Яга и говорит: «Ты что ж это слуге да подарки даешь материны?»

Ну, привели Ивану-царевичу вороного коня. Конь — что чудо, золотая грива! «Ну, — говорит, — сынок, вот тебе конь направлен». Иван-царевич любует коня, а Орон говорит: «Ты мне отсулил!»

Поднял палицу пятьдесят пудов и давай коня шелучить, убил до смерти. Ивану-царевичу коня жаль, а помалкивает. А Баба Яга говорит: «Что ты, сынок, надо мной издевку строишь, все матернины подарки слуге отдаешь?»

Ну, подъехала карета золоченая, жемчугом шита, шелком крыта. «Ну, садись, сынок, под венец ехать!» Иван-царевич только ступил, а Орон подскочил: «Ты ведь мне отсулил!» Ивану-царевичу кареты жаль: «Эх, какой ненасытный!»

А Орон давай карету бить-ломать — в щепы разнес!

Баба Яга ярится, его погубить хочет. Вот вечером их спать повалили. А Орон Верный караулить стал. Середь ночи идет Яга-Баба, две змеи несет. Орон Верный меч схватил, змеям головы снес. А Яга-Баба и закричала: «Ой, Иван-царевич, обнасилил слуга твою родную матушку!» Иван-царевич разгорячился: «Ах ты такой-сякой, я тебя от виселицы спас, я тебе и голову снесу!» — «Постой, названый братец, дай слово сказать!» А Яга-Баба кричит: «Не надо ему слово говорить, он над матерью твоей изгалялся!» — «Нет, уж был он мне крестовым братом — пусть перед смертью слово скажет!» — «Это Иван-царевич не твоя мать, а Яга-Баба...»

Сказал Орон Верный, по колени камнем стал. «...Твои роди тели и родны братья в темнице сидят и глаза выкопаны...»! А Орон Верный уж по грудь камнем стал: «...хотел я, Иван-царевич, и тебя спасти, и сам жив остаться, да ты слугу верного, брата крестового, вешать повел».

Только он сказал и стал серым камнем. Тут Иван-царевич схватил Бабу Ягу богатырской рукой — пополам разорвал. Ну, пошли они в темницу, вывели отца с матерью, родных братьев, девиц-голубиц. А у отца с матерью глаза выкопаны. Взял Иван царевич живой воды и оживил им глаза. А Орона Верного ни живая, ни мертвая вода не берет. Ну, Иван-царевич плачет рыдает: «Сгубил я брата названого Орона Верного!»

Взял он этот серый камешек и в свою спальню у изголовья поставил. И зажили. Год живут, а Иван-царевич все по Орону скучает. И два живут. Вот ему Марфа Прекрасная сына родила. У парничка золотые волосы, по ресничкам жемчужинки, под затылком светел месяц. А Иван-царевич все

скучный.

Вот ему раз сон снится. Открыл Орон Верный каменные уста и говорит: «Если меня крестовый брат, Иван-царевич, спасти хочет, то зарежь сына и помажь мне рот».

Иван-царевич как выстал, дождался, чтоб Марфа Прекрасная в сад гулять пошла, да взял сыночка своего зарезал. Сам плачет, а сам кровь в ковш собирает. Собрал кровь да ею помазал рот серому камню — Орону Верному. Тут камень и ожил. Потянулся Орон Верный и говорит: «Долго я спал, да скоро встал!» — «Эх, Орон Верный, кабы не я, так и вовсе не встал!»

Глянул Орон Верный — лежит сын Ивана-царевича, горло перерезано. Взял тогда Орон Верный мертвой воды — горло срослось. Взял живой воды — ребенок ожил. Тут Иван-царевич стал его миловать.

И стали жить-поживать и царствовать.

(Зап. от И. Гольчикова, д. Лебская, Мезень)

Сказки и предания Северного края. Запись, вступ. ст. и коммент. И. В. Карнауховой. Л., 1934.

Читайте также русскую сказку "Кощей Бессмертный".